

Лики земли и лики поэзии

Когда-то Сергей Есенин сказал собрату по перу: «Найдёшь родину — пан, не найдёшь — всё псу под хвост пойдёт. Нет поэта без родины».

Поэту Ивану Перевезину не надо искать родину — он живёт в ней с рождения вместе с неброской и суровой северной природой, её людьми:

Пойду в леса развезть думу,
привечу белку или рысь...
Найду метличку, тихо дуну —
и семена подхватит высь.
Я разбежусь, раскинув руки,
и — обопрись — о синеву, —
там крови нет, там нет разлуки,
там я дышу, там я живу!

Именно так органично и возвышенно живёт в сердце поэта родная природа с её сизыми сопками, гремящими ключами, скучными брусничными полянами. Ими дышит каждая строка поэта:

Эти земли тоже — мать Россия,
это тоже — русские снега.
Здесь краса, богатство и стихия —
птичка да звериная тайга.
Города и люди смуглолицы,
с кожей от морозов — что кирза,
но зато с душою — стерха-птицы,
рувейшей от сказов в небеса.
Сказы с якутского переводятся, как

«Олонхо»: «Мне они жизнь чудом наполняют, хоть я родом вовсе не якут», — признаётся Перевезин. И тут «чудо» обретает другое волшебное свойство. Оно становится близким и родным для человека, даже никогда не бывавшего на Севере, благодаря живому слову поэта:

И звенит синица над зимовьем,
и зарёй освещен лик земли.
И навеки чистою любовью —
к Северу живут — стихи мои...

Стихам Перевезина безукоризненно веришь, потому что они «идут» от добрых чувств. Даже тогда, когда строфы поэта посвящены «жжёному ядрённому морозу», от которого «не защищает мех звериный / и жаркий шарф из шерсти коз», «и падают из глаз, как иглы, слёзы, / и на щеках сосульками звенят», от них всё равно веет поэтическим теплом сыновнего сердца. Ведь они рассказывают о дивной природе Севера, мало ещё воспетой поэтами.

Полны светлой грусти и зыбкой радости перевезинские стихи о трудном (а у кого оно было лёгким в 1950-е годы?) послевоенном детстве. В этом возрасте сердце особенно впечатлительно и впитывает в себя, как губка, всё хорошее и плохое: и старые забро-

шенные бараки, что «стоят в своей земной печали, / вбирая утра — яркий свет», и раннюю смерть отца, и старую одежку, что передавалась в семьях от старших детей к младшим, и многое другое.

Как истинный поэт (таким был Некрасов!), Перевезин не отгораживается и не прячется в мифические небесные чертоги от всего, что происходит и творится в нашей стране.

Болью и кровью сочатся многие его стихи за бездарную перестройку, за разрушенное Отечество, за бандитские 1990-е годы, за расстрел парламента в 1993-м. Это всё незабываемые вехи в новейшей истории России, тёмные её пятна.

Верно замечает поэт, что страшно жить в мире, где многое строится на лжи и несправедливости, но ничего, в силу обстоятельств, поправить нельзя.

Господи, как же низко
надо душой опуститься,
чтобы ходить по свету
спротянутой горько рукой,
и перед кем — пред нарочью
зажравшейся загнивающей,
которая спит — и видит —
нас под своей пяткой.

Нынешние действия российского президента, похоже, исправляют эту

унизительную ситуацию. Вера в Родину, в людей и, прежде всего, в себя придают поэту надежды и силы в работе и в постоянных творческих исканиях. Без поиска, внутренней собранности, в пустых метаниях — ничего не выйдет путного, это аксиома. Ещё, кажется, Овидий говорил, который знал наречья скифов, что «стихи удаются, если созданы при душевной ясности». Именно к такой ясности и старается приблизиться Перевезин в лучших своих стихах:

Что мне судьба с её печалью,
когда, цветая, как шаль,
откроется за дальней далью
другая солнечная даль.
Не захохотеть, безызывность,
не безызывность и не грусть, —
почти есенинская местность
с его стихами наизусть.
В лесной кукушечной дубраве —
упрямый счёт твоих годов,
В лугах — густое разнотравье,
и пчёлы — в чашечках цветков,
и всё — навеки, всё — от Бога,
чтобы любить и вырастать,
И трудно жить, но без упрёка,
и без упрёка — умирать.

Стало уже общепринятым понятием, что эстетический ценз мужчины определяет его отношение к женщине, с

шекспировских времён — до наших. Хочется верить, что оно будет вечным, несмотря на разрушительную западную культуру и мнимые ценности, навязываемые России. В стихах Ивана Перевезина образы любимой жены, матери обретают неповторимые черты, ассоциирующиеся с портретами «Незнакомки» Крамского или «Девочки с периками» Серова. В них тоже столько свежести, непосредственности, воздушности красоты, тайны... Взять хотя бы это стихотворение:

Как хорошо, что есть ты на земле!
Но плохо, что любовь твоя погасла...
Так одиноко в предвечной мгле,
так всё туманно, зыбко и неясно...
Но я — люблю! И светлый образ твой
мне, как звезда,

что ночью ярко светит,
жизнь освещая в темноте земной,
где крепнет стужа и лютует ветер...
Своей любовью

выжить не пришлось.
Ну что же — со своей любовью буду
так песни петь,
чтоб отступала злость
и снова в счастье верилось,
как в чудо!

Оставаясь приверженцем традиционного русского стиха, Перевезин, не изобретает никаких метрических сис-

тем. Однако взгляд его на жизнь, на пережитое, на сегодняшний день, иногда на будущее, остаётся всегда светлым, не запертым. Он честно всматривается в себя, в сегодняшний тревожный мир, находит новые, незабываемые слова, яркие метафоры:

На отчий край давно легла печать
не бренности глухой, а обновленья!
Но в час, когда хочу я жизнь понять,
то сердце обрекаю на мученье.
Но день за днём, земле даруя свет,
уходит вдали небесная дорога...
И, если я — не плачу ей вослед,
то потому, что плакал очень много...

Иван Перевезин — лирик. Лирик от Бога, сказали бы воцерковлённые. Лирик от природы, сказали бы атеисты. Лирик интровертного склада, сказали бы учёные. То есть, поэт, пропускающий свои стихи через сердце. В итоге все эти синонимические определения сводятся к одному: перед нами поэт неординарный, «штучный», со своим неповторимым рисунком голола, который прекрасно узнаваем в череде часто меняющихся модных поэтических школ, направлений, самопровозглашённых гениев...

Николай КРАСИЛЬНИКОВ

В краю якутском голос мой

Край детства

Лишь в тишине я вспомню небо
в сполохах утренних, зимой, —
словно враз шагну я в небель,
где только счастье и покой.

Земля якутская! Край детства,
где для побед смог меч сковать!
И свет души — моё наследство
лесных аласов — благодать...

И правда, я — сильнее смерти
не потому, что вдруг мороз
собрал в предверье круговерти,
мне крепкой воли целый воз.

А потому, что нет другого,
кто жаждет жить сильнее меня,
в ком, как зерно, созрело слово
и стало крепким, как броня!

Со мною драться нету смысла!..
И спорить сдуру толку нет,
чтоб горе-горькое не вышло
для всех, кто жаждет злых побед.

А вот дружить со мной и даже
Любить меня — ну, всё равно,
Что у мечты стоять на страже
И сеять — добрых дел зерно...

Лишь в тишине я вспомню небо
в сполохах утренних, зимой, —
и где бы я на свете ни был,
в краю якутском — голос мой!..

Отчего в жизни ясной моей
я не слышу вновь снегирей...
А они вообще-то поют?
Вот-те на — не скажу!
А ведь снегом — дышу,
и стихи со снегом идут...

Ну, да ладно, — потом
разберусь я во всём...
А сейчас, а сейчас — на века
жажду вслух повторять,
словно душу спасать,
как же мне ты близка!

Взгляд горит, как алмаз,
кожа — нежный атлас,
губы — слаще мёда вдвойне!
Пряды пышных волос
пахнут слаще всех роз,
что в садах цветут по весне.

Я люблю... Для меня
ты — свет вечного дня!
И пускай не поют снегири...
В честь твою, друг родной,
сам спую — всей душой,
лишь улыбкой меня озари...

О, Родина! Твой воздух сладок,
твоя польнь милей, чем шёлк,
и соловьёв — такая радость! —
рассветный чистый перещёлк.

Винось:
исполненный страданий,
навек прощалься вдруг с тобой,
и всё же восходил до пониманья...
Что без тебя я — труп живой...

Прости, ведь в жизни от ошибок,
хоть плачь, никто не защитит...
Но строк моих высоких свитков,
как дар, — тебе преподнесён.

Я не прощаюсь — это точно!
Ведь в круговерти слов и дат
останусь жить, и днём, и ночью,
с сознанием, — вечно виноват...

Дождь в обложной не перешёл,
порывом ветра — очень скоро

был изгнан начисто за дол,
где лишь пустыне косогоры.

Но вот беда — ну, как зимой,
хоть небеса лазурно-чисты, —
не греет солнце край родной
рассветно, радостно, лучисто.

Холодный воздух рвёт гортань,
как рашпиль, выжимает слёзы.
Но хоть готовься в светорань
встречать немислимые грозы.

«Какая грусть!» — в семнадцать лет
сказал бы я, но на закате
лишь улыбнусь дождю вослед,
как будто Божьей благодати.

Да и пойду, за шагом шаг,
навстречу дням, что мне остались,
что пережить в них чёрный мрак
врагу проклятому на зависть.

И чувство вечное — любви
навек — у меня на сердце...
Эй, кто там?! Душу не гнечи,
в надежде на своё бессмертье.

В башке звенит от недосыпа,
как проводов морозный стон.
И грустно опадает липа,
недосмотрев осенний сон.

Я чёртом буду, гадом буду,
когда предаю свою любовь.
Но никогда не позабуду
напрасно пролитую кровь.

Не позабуду после смерти,
ведь вдохновенно бытнё.
И всё моё на этой тверди
и там, за небом, — всё моё...

Нет, я не ранен и не болен,
а просто вышел в чисто поле
и задохнулся — от тоски —
по ярким сполохам заката,
по звону струй на перекатах
бегущей под гору реки.

Навеки в памяти осталась
системой схожая усталость
от рыбной ловли на её
берегах песчано-каменистых,

где полной грудью воздух чистый
вдыхал и верил: всё — моё!..

И сердце радостно стучало,
в глазах, как молния, сверкала
надежда, — нету ничего,
что б я ни сотворил на свете
за счастье вечное в ответе
по звёздной милости Его.

Теперь, когда жизнь на исходе,
но духом ещё крепок вроде,
как я желал бы до поры
вспылать высоким вдохновеньем,
хоть на одно стихотворенье, —
души, вместившей все миры...

Увы, увы... В ответ на это —
в словах никак не выплыву светом,
но твердо знаю, всё-таки —
к исходу дня от взгляда милой,
что мою душу сохранила,
я выйду к счастью из тоски.

Только с тобой

Мне тяжело воевать с судьбой
не видя взгляд горячий твой,
не слыша сердца твоего
по щедрой милости Его.

Как мне не тосковать, скажи,
высокий свет моей души?
Горнишь — и я счастливей всех,
а ведь несчастный человек...

Ну, здравствуй, мой заветно близкий друг,
товарищ дней стремительных, военных!..
Одна любовь нас не покинет вдруг, —
всё остальное — безнадежно тленно...

И как от ран не тяжело нам порой,
вперёд глядя без страха и упрёка.
Как будто распадается высь зарёй,
и мы услышим вещей голос Бога.

Я неслучайно вспомнил — о тебе,
здесь, где рассветно распевают птицы,
хочу тем счастливым, что познал в судьбе,
с тобой до капли щедро поделиться.

И верю, верю, знаю — до конца,
плечом к плечу, — стоять мы будем вместе.
И пусть темнеет воздух от свинца,
и пусть звучат лишь грозовые вести.

Всё выдержим, нигде не пропадём,
ведь кроме нас навряд ли кто напишет,
что жизнь своим железным кулаком
ударить может, — как по воле свьисте.

Воздух — влажен и тягуч...
Неужели хлынет ливень?!
При таком скопленье туч,
это очень просто ныне.

Но покамест самый раз
мне всходить на гору шагом,
где листово пышный вяз
разметался над оврагом.

Где синицы и дрозды,
возвратившись в край родимый,
знай, поют на все лады
о любви, навеки хранимой.

Где так близок небосвод,
что могу звезду потрогать...
И услышать — наперёд! —
вдохновенный голос Бога.

И душа летит стрелой —
в поднебесье, что есть мочи...
И пусть ливень грозовой
льётся смело, сколько хочет.

Мороз — ядрён необычайно,
как будто вылит изо льда...
В нём жизнь моя и Божья тайна,
и жажда вечного труда.

И пусть в лицо морозный ветер,
летит, как быстройкрылый птах, —
он для меня, кто сердцем светел,
задор счастливым, а не страх.

И если даже гром тяжёлый
вдруг разорвал бы в клоуна высь,
в моей башке, большой глаголом,
угрюмою не станет мысль.

А почему? С какого боку?
Стого, что в градобое лет,
благодаря судьбе и Богу
я жив — как пахарь и поэт...

Она сама — ко мне — пришла
и нежно прошептала: «Милый...»

И словно душу вознесла
на небо солнечная сила.

И я — держал её в руках,
как птичку, бьющуюся с дрожью...
И за судьбу родную страх
меня несколько не тревожил.

Наверно, в жизни прожитой
с неотвратимостью летящей,
я больше мучился тоской,
чем песней, радостью звенящей...

Но что об этом говорить,
когда не удержал я счастья,
и был готов — себя убить,
но загорелся новой страстью...

Но эта память, эта память
о жизни, прожитой в любви?
Жжёт душу снова, словно пламя,
и вся душа моя — в крови...

Пронзительно — синее, синее небо
от дали до дали, от края до края.
И солнце восходит, ярко пылая,
как бы являя небесную небель...

От высотных домов,
от спящих деревьев
ложатся повсюду длинные тени,
словно порою звонкой весенней,
лишённой тоски и печали древней.

В скверах и парках народу уйма!
И взгляды у всех сродни с небесами...
Встречаясь с ними, как мне стихами
не говорить и свету не думать?!

Жизнь хороша!
Причём, настояще!
Вот что такое природные сдвиги...
Так и рождаются вечные книги,
так и врывается в душу — счастье!

Мне ведомо: в начале — было слово...
И с этим я не спорю, только всё же
зачем порой живём весьма сурово, —
пуская в ход то пистолет, то нож?

Живого благословья — не хватает
Иль нет сильней гордыни ничего?
Ответ на это лишь Всевышний знает,
но — не откроет — никогда его.

А мы друг с другом драться не устали,
ну, словно в этом суть любых проблем!
И слово наше меркнет в идеале,
как бы оно — не выдохлось совсем.

Больно подумал, что жизнь прожита,
совсем прожита, до минуты...
И тотчас ненужно стала мечта
и песня — о счастье якута.

И значит, я всё же не пламенно жил,
а если и жил, то не сразу...
И тьма затопила пределы души,
и горько померк ясный разум.

Ну, хоть с чердака домовину сноси
и в ней успокойся до срока.
Но светят по-прежнему звёзды Руси,
воставшей над кознями рока.

И я — её сын, неужели смирюсь
со смертью — угрюмо-поганой...
Заветная радость, затмив мою грусть,
навстречу встает из тумана...

Ах, эти — тёмные аллеи,
в которых огневая страсть
звезды полноточной светлее
неповторяемо зажглась.

И страсти нет конца и края,
и это — чудно, хорошо...
Ну, словно слышу, как из рая:
«Люби меня ещё, ещё...»

Помню, помню... и как не помнить,
ведь в рыбалке тоску забывали!..
Язь, ленок, как всполохи молнии,
серебрясь, чешуёй сверкали.

Из сетей — чудо-рыбу вынув
и в бочонки сложив умело,
чтоб и впредь не звать кручину,
как от водки солнечно пели.

И ничто так нас не сближало,
как беседа — о жизни вечной...
Можно точно прожить без жалоб,
если жить для души, конечно!

Надвигалась ночь чёрной массой,
догорал в костре жаркий хворост,
и звезда — за звездой гасла,
только вновь — загоралась вскоре...

Ещё дальше в чёрный угол
вновь загнала жизнь свою.
Словно с злого перепуга,
каку бездны на краю.

Горько... Тяжело... Обидно...
Но ведь только через боль —
я победой к счастью выйду
в схватке с ярою судьбой.

И никто мне не поможет —
даже из высоких чувств.
Словно всем на свете должен,
но ни с кем не распахнусь.

Слезаму день за днём не мерю,
не множу — мёртвую тоску, —
ведь с честью пережил потери
и светом тьму не нареку.

И только Богу, а не черту,
что б ни случилось вдруг со мной,
я буду — на разрыв аорты! —
служить, как рыцарь волевым.

О благодарности народной
совсем не мыслю, просто я
живу с рождения первородно,
и даже смерть — мне не судья!..